

Эллиот Р. Вольфсон

Университет Нью-Йорка

Сон во сне: сила воображения в еврейской мистике

В этой вечерней лекции я остановлюсь на трех свойствах сна, которыми он обладает в каббалистических и хасидских источниках: (1) сон как текст, (2) сон как вымышленная правда, иными словами, такая правда, чья истинное назначение – быть ложью и (3) сон как событие самоупражнения.

1. Сон как текст

Первая из трех наших тем трактует сон в качестве текста, и следовательно, предлагает воспринимать истолкование снов как один из видов экзегетики. Ученые часто цитируют предание, сохраненное в Вавилонском Талмуде (Берахот 56а), иногда даже называя его ключевым для понимания раввинистического отношения к толкованию снов. Там говорится, что снотолкователь Бар Хедья всегда усматривал счастливые предзнаменования в снах тех, кто платил ему за толкование, а тем, кто не платил, непременно давал дурные объяснения. Эта традиция подтверждается рассказом об Аббайе и Рава, двух прославленных аморах IV века: Аббайе не скупился на вознаграждение Бар Хедье и потому получал благоприятные объяснения своих снов, а Рава не платил, и потому толкователь усматривал в его снах дурные знаки. В конце концов, Рава исправился, понял свою оплошность, стал оплачивать услуги Бар Хедьи, и характер толкований был соответствующим образом скорректирован. Перемена судьбы сводилась к тому, что Бар Хедья был отныне уверен: с Равой обязательно случатся чудеса.

Здесь, на развилке талмудической истории, редактор присоединяет рассказ, который обосновывает – но в каком-то смысле и разрушает – ее дидактический смысл. Однажды Бар Хедье случилось путешествовать с Равой на лодке. Бар Хедья прикинул, что коль скоро он сам предсказал, что с его спутником произойдет чудо, то состоять оно может в том, что лодка потонет, и из всех пассажиров спасется только Рава. Поэтому Бар Хедья почел за лучшее сойти на берег, причем, выбираясь из лодки, он выронил книгу – вероятнее всего, сонник. Рава нашел ее и, открыв, увидел слова – *kol ha-ḥalomot holkhin aḥar ha-peh*, «все сны следуют за устами» – отчего и воскликнул: «Нечестивец! Все зависело от тебя, и ты причинил мне столько мучений!» Максима «все сны следуют за

устами» -- возможно, самая важная часть талмудического сонника, поскольку в ней содержится основной для раввинистической традиции взгляд на то, как следует толковать символику снов. Если история была рассказана только ради критики снотолкователей, то обнаружение написанных в книге Бар Хедья слов осложняет картину и делает инвективу отчасти двусмысленной. Тактика, которую применял Бар Хедья, в точности совпадает с той, какую мудрецы широко применяли в интерпретации текстов Писания.

Слова «все сны следуют за устами» намекают не только на то, что всякий сон требует интерпретации – ибо неистолкованный сон, говоря словами другой традиции, возводимой к р. Хисде, похож на непрочитанное письмо. Значение этих слов еще и в том, что окончательный смысл сна задан его интерпретацией – именно это подразумевается в реплике Равы «все зависело от тебя», *be-didakh qayuama*. Говоря, что сон зависит от истолкования, мы отнюдь не подразумеваем только, что интерпретация ретроспективно придает ему смысл; наряду с этим интерпретация предварительно наделяет сон реальностью, и как следствие – сон начинает формировать реальность. Сказанное в Вавилонском Талмуде «все сны следуют за устами», таким образом, является параллелью к тому, что в Палестинском Талмуде говорит р. Йоханан: *kol ha-ḥalomot holkhin aḥar pitroneihen*, «все сны следуют за их истолкованием». Здесь можно говорить о герменевтическом круге: содержание сна задано возможностью его интерпретации, хотя последнюю предопределяет содержание сна.

Об этой же мудрости нам напоминает и сентенция, приписываемая Бар Каппаре, *leit ḥalom she-ein lo pitron*, «нет сна без объяснения». В этой максиме скрыт не только тривиальный тезис о том, что всякий сон можно интерпретировать, но и более радикальная идея о том, что интерпретация создает сон: говорить о сне без интерпретации так же бессмысленно, как о тексте без читателя – иными словами, текст не может существовать, если нет потенциального читателя. Интерпретация выполняет ту же функцию в случае со сном: его нет, если нет толкователя. Рассмотрим следующий пассаж из Вавилонского Талмуда (Берахот 55б):

Было в Иерусалиме двадцать четыре истолкователя снов [*potrei halomot*]. Однажды видел я сон и обратился ко всем этим людям. Один толковал так, а другой иначе, но все их истолкования осуществились со мной, в подтверждение сказанного: «все сновидения следуют за устами». Разве говорится в Писании: «все сновидения следуют за устами»? Да, и это согласно объяснению рабби Элеазара, ведь говорил рабби Элеазар: откуда мы знаем, что все сновидения следуют за устами? Из сказанного: “И как он истолковал нам, так и сбылось: меня возвратил [фараон] на мое место, а

того повесил» (Быт. 41:13). Сказал Рава: так бывает только в том случае, когда истолкование соответствует сну, ведь сказано: «А там был с нами молодой еврей, раб начальника телохранителей; и мы рассказали ему, и он истолковал нам сны наши, каждому соответственно с его сновидением истолковал» (Быт. 41:12).

Учение “все сны следуют за устами” предложено для того, чтобы логически обосновать многозначность снов, которая в талмудическом контексте означает не только существование многообразных интерпретаций одного и того же сна, но и гораздо более сложную для понимания вещь – что все они исполнятся. На пример Иосифа, который для еврейской мысли служит образцовым толкователем снов, ссылаются как на библейское обоснование этого принципа, а широкий спектр его отражений вводится уточняющей ремаркой от имени Равы: сказать, что значение сна осуществлено истолкованием, правомерно лишь в случаях, когда интерпретация соответствует содержанию сна. Но невзирая на предостережение Равы, раввинистический взгляд на проблему предполагает смелую герменевтику, которая наделяет толкователя властью делать сновидения реальностью. Способность объяснения актуализировать сон, и тем самым видоизменить реальность, не сводится к ситуации, когда между содержанием сна и его истолкованием существует очевидное соответствие, как полагал Рава. Настаивать на этом значит упустить смысл раввинистического подхода. То, что любые интерпретации сна одинаково обоснованны, подразумевает, что сон сам по себе, будучи лишен внешних интерпретирующих одежд, является герменевтически нейтральным. Эта нейтральность хорошо отражена в традиции, которую возводят то к р. Меиру, то к р. Аббаху, то к «мудрецам» в самом общем смысле – что слова снов непоследовательны и нелогичны, *divrei ḥalomot lo ma'alim ve-lo moridin*, буквально: «слова снов не восходят и не нисходят». В нескольких местах Талмуда на это мнение ссылаются, чтобы подчеркнуть, что при решении споров о законе или ритуале нельзя ссылаться на информацию, почерпнутую из снов. Но в других мидрашистских контекстах это положение не столь строго ограничено, и суть его скорее в том, что содержание снов вообще не имеет окончательного значения или последствий в отрыве от того, что сообщается актом интерпретации. Именно благодаря ей становится понятным, почему образы сновидений могут получить характеристику истинных или ложных, не будучи по своей внутренней сути ни теми, ни другими. Не существует другого способа понять сон, кроме как опустить на него покров интерпретации.

Смысл раввинистического учения проясняется в нескольких пассажах из книги «Зогар» (*Sefer ha-Zohar*). Эта антология каббалистических преданий начала свое существование в XIII или XIV веке как собрание отдельных разрозненных отрывков; долгая работа переписчиков сформировала зафиксированный в основных рукописях текст, который был положен в основу Мантуанского и Кремонского печатных изданий, по которым текст Зогар воспроизводился впоследствии. Рассмотрим второй текст (Зогар, I:183a-b):

Говорят: «Все сны в этом мире следуют за толкованием уст», и есть этому подтверждение, ведь написано: «И как он истолковал нам, так и сбылось» (Быт. 41:13). Почему это так? Потому что в сновидении есть обман и правда, а слово властвует над всем, и потому сон нуждается в хорошем истолковании.

Сказал рабби Йехуда: «Поскольку любой сон – это низшая ступень, и слово властвует над ним, все сны следуют за толкованием...

Рабби Хия и рабби Йосе находились в присутствии рабби Шимона. Рабби Хия сказал: Мы учили, что сон без толкования подобен непрочитанному письму. Это потому что сон сбылся без его ведома, или потому что он совсем не сбылся? Сказал ему: Сбылся, но никто об этом не узнал, потому что есть сила, наделяющая могуществом этот сон, но он об этом не знал, и не ведал, сбылся сон или нет. Нет в мире ничего, что не зависело бы от сна или посланника до своего проявления в мире, ведь сказано, что перед проявлением чего бы то ни было в этом мире на небесах издается приказ, который затем спускается в мир и передается через посланника. Все это в соответствии с написанным: «Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам» (Амос 3:7). Это касается времен, когда в мире есть пророки. Когда же их нет, несмотря на то, что пророчество более не пребывает в мире, мудрецы предпочтительнее пророков. Если же нет мудрецов, то известие передается через сон, а если не через сон, то хранят его птицы небесные.

Этот пассаж, как часто бывает в «Зогаре», напоминает ковер, сотканный из многих нитей – различных раввинистических наставлений. Связывает эти разнородные источники воедино уверенность, что в земном мире ничто не материализуется иначе, как через божественное повеление, которое может быть возведено пророком, сновидением или щебетом птиц. Для нас особенно важно отметить то обстоятельство, что талмудическая максима «все сны следуют за устами» объяснена отсылкой к другому талмудическому принципу – а именно, тому, что сон содержит в себе и правду, и обман. Толкователь, следовательно, должен быть достаточно смел, чтобы браться за отделение зерна от плевел. Ведь, в самом деле, из-за того, что сон в равной степени и правдив и лжив, он может предвещать как хорошее, так и плохое, а потому его воздействие зависит от того, каким именно образом этот сон был объяснен. Толкование сна обладает особой творческой

потенцией, которая состоит в том, что оно способно моделировать события во времени, - и это, в свою очередь, связано с более общей каббалистической предпосылкой, согласно которой слово правит всем. Эта ремарка может быть принята как подтверждение того, что именно язык господствует надо всем; этот тезис был аксиомой для еврейской эзотерики на протяжении веков: коль скоро инструментом творения было слово, оно же сохраняет и контроль надо всем, что было чрез него сотворено. В более глубоком смысле, для каббалистов слово было не только агентом божественного творения, но и собственной его субстанцией. После десятилетий поисков я не нашел ни одного каббалиста, который не согласился бы с тем, что все существующее в мире с субфеноменальной точки зрения представляет собой различные перестановки двадцати двух букв еврейского алфавита, который сам по себе свернут в Тетраграмматон – мистическую сущность Торы.

Во втором отрывке из антологии «Зогара», взятом из раздела *Sabba de-Mishpatim* (Зогар II:95a), видна попытка отделить сон от экзегезы Писания:

Слова Торы – это слова потаённые, и в каждом слове Торы скрыто много мудрости, известной мудрецам, которым ведомы пути Торы. Ведь Тора – это не сновидение, находящееся в распоряжении толкователя и следующее за устами, но все равно нуждающееся в соответствующем истолковании. Слова Торы, которыми наслаждается святой Царь, тем более должны толковаться истинным образом, как написано: «Ибо правы пути Господни» (Осия 14:10).

Автор категоричен в своем утверждении, что хотя Тора не состоит из «слов сновидения», значение которых определяется устами толкователя, ее все же следует толковать в манере, свойственной толкованию снов. Чтобы акцентировать этот тезис, он апеллирует к более раннему тексту: коль скоро слова Писания есть «услада святого царя», тем важней истолковывать их в соответствии с «путем правды», пусть даже каждое из них содержит множественные «слова мудрости». Контраст между сном и Торой лишь подчеркивает то, что объединяет их: сон имеет и манифестированный, и скрытый смысл, и точно так же буквальное слово Писания содержит в себе скрытые смыслы, которые надлежит извлечь путем умелой экзегезы. Эта идея будет чуть позднее акцентирована в том же разделе «Зогара» словами о том, что мудрецы, «исполненные очей», могут видеть, как свет божественных мистерий лучится сквозь покрывало из букв, *mi-go levusha*, то есть, тайна воспринимается через ее покровы, а не через их снятие.

Исходя из буквального смысла текста, значение сна устанавливается устным толкованием (*pishra de-fuma*) — здесь соединены изречения, которые появляются, соответственно, в Палестинском и Вавилонском Талмуде — ибо слова, происходящие из уст, соответствуют

божественному слову, которое выше уровня снов. В более техническом смысле слово является символической аллюзией к Шехине, божественной эманации, которую также называют «видением» (*mar'eh*) пророчества, «зеркалом, которое не сияет» (*aspaqlaryah she-einah me'irah*), призмой (*heizu*), сквозь которую видны все цвета, в то время как сон (*halom*), согласно другому раввинистическому учению, есть одна шестидесятая часть пророчества – в символике «Зогара» это будет шестой уровень от уровня пророчества, -- уровень Гавриила, надзирающего за снами. Но важнее всего подчеркнуть различие между сном и пророчеством. Об этом в еще более резком тоне говорит следующий пассаж (Зогар I:149a):

В чем различие между пророчеством и сновидением? Пророчество относится к миру мужского, а сновидение – к миру женского, и между ними – шесть ступеней нисхождения. Пророчество – справа и слева, а сновидение – слева. Сновидение разделяется на шесть ступеней нисхождения, и потому оно относится ко всему миру, хотя видит его каждый в соответствии со своим уровнем, каждый человек – в соответствии со ступенью, на которой находится. Пророчество же не распространяется, а пребывает только на своем месте.

Пророческое видение в собственном смысле принадлежит к сефиротической плероме *alma di-dekhura*, «миру мужского» -- термин этот обычно относится либо к Бине, либо к сефиротическим силам от Бины до Йесода, в то время как сновидение отнесено к *alma deniqba*, «миру женского» -- это, в свою очередь, является техническим обозначением Шехины или ангельских сил ниже ее. Два разных типа видения будут затем разведены еще дальше в зогарическом тексте, который укажет на то, что пророчество находится и справа и слева (это, возможно отсылает к седьмой и восьмой эманации, Нецах и Ход, соответственно), а сон – только слева, что указывает на Гавриила. Сила этого ангела происходит от аспекта Могушества (*gevurah*) на левой стороне. Наконец, производится и топографическое разделение: о пророчестве сказано, что оно допущено лишь в своём месте — точно так же, как раввинистическое учение ограничивало пророчество лишь Землей Израиля (немногие исключения из этого правила по-своему уникальны), так же и каббалисты связывали пророческое вдохновение с божественной сферой, и в особенности с Шехиной – теософическим коррелятом географического места — а сон, в противоположность пророчеству, был рассеян в мире. Коль скоро сон вездесущ, акцент делается на том, что всякий человек в ночи видит то, что соответствует его уровню подготовки. Из другого поучения (Зогар I:196a) мы видим, что Даниил воспринимается как тот, кто, не будучи пророком, тем не менее удостоился видений, которые соотнесены со сверхъестественными эманациями, или скорее воспроизводят их:

Что написано про Даниила? «И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении» (Даниил 2:19) – в ночном видении. Что значит «в ночном видении»? Это Гавриил, ибо он есть видение [hezwa], призма от призмы [heizu min heizu]. Иди и смотри, что написано: «И вот, слава Бога Израилева шла от востока, и глас Его – как шум вод многих, и земля осветилась от славы Его» (Иезекииль 43:2). А что написано после? «Это видение было такое же, какое я видел прежде, точно такое, какое я видел, когда приходил возвестить гибель городу, и видения, подобные видениям, которые видел я у реки Ховара. И я пал на лице мое». (Иез. 43:3). Всего здесь упомянуто шесть видений [mar'ot], ибо это видения и призма видения [heizu de-hezwa], призма, через которую видны высшие цвета, и они видны через эту призму, а есть еще призма призмы [heizu de-hezwa], призма призмы, одна над другой! Все они существуют в соответствии с известными ступенями, и они управляют, называясь «призмой ночи» [heizu de-leilya], и через них распространяются все сновидения в этом мире, причем все они являются отображением тех, которые над ними.

Роль Гавриила как истолкователя снов подтверждена и в самой книге Даниила (8:16, 9:22), но для того, кто написал процитированный зогарический текст, этот ангел не только толкует сны; он – та сила, которая приводит к появлению снов, и потому о Гаврииле говорится как о видении (hezwa). Возможно, такое отождествление отражает тот факт, что и *gavri'el*, и *mar'ah* (или *mar'eh*) оба равны 246 — или, если пользоваться словами данного пассажа, «ночное видение» (*hezwa di-leilya*) и обозначенное как «призма от призмы» (*heizu min heizu*). Через это видение, или призму, тайна была явлена Даниилу. Природа этой тайны, или тайна тайны, может быть установлена, если мы проанализируем двойственную коннотацию термина *heizu* в зогарическом лексиконе – как видение и как призму – и его символическое приложение к Шехине, поскольку эта божественная сила есть одновременно и зеркало, через которое высшие сефирот становятся визуально доступны человеческому воображению, и психическая способность, благодаря которой достигается эта визуализация. Говорить о Гаврииле как о «призме от призмы» (*heizu min heizu*) или же «призме призмы» (*heizu de-heizu*) – значит, подразумевать, что сны есть видения, в которых можно увидеть отблески сефиротических образов, отраженных в Шехине, «призме видения» (*heizu de-hezwa*), той самой, в которой видны невидимые божественные цвета. В этом смысле сновидение – это тройное отражение, где созерцаются формы, отраженные в зеркале ума, которое отражает ангельское отражение божественного зеркала.

Рассмотренный нами зогарический текст, и многие другие, которые можно было бы привести в этом контексте, подтверждают уверенность раввинов в том, что после заката пророчества как института сам дух пророчества стал уделом мудрецов, хотя с тем же успехом его можно отыскать во снах и языке птиц. Все эти феномены дивинации имеют общую характеристику: их надо толковать, а толкование в конечном счете связано с силами сефирот. Прочитую еще один, последний пассаж из «Зогара» (I:191b), который возвращает нас к тому, с чего мы начали:

Написано: «Иосиф сказал им: не от Бога ли истолкования [*le'lohim pitronim*]? Расскажите мне» (Быт. 40:8). Почему? Потому что именно так следует толкователю снов приписывать толкования Святому, благословен Он, ибо там – основа всего, и через него осуществляется толкование. Иди и смотри: Говорилось, что сновидение находится на низшем уровне, и это шестая ступень, ибо от того места, где пребывает пророчество, до уровня сновидения – шесть ступеней. Толкование поднимается с уровня сновидения на более высокую ступень. Сновидение – это низший уровень, а толкование поднимается над ним, толкование существует в слове, и потому все решается словом, как сказано: «Не от Бога ли истолкования?» – конечно от Бога!

Интерпретация поднимается от сна, который располагается шестью ступенями ниже в области ангелов к своему источнику в виде божественного начала, обозначенного как «слово» (*dibbur*). Термин этот, как я сказал выше, связан с Шехиной – речью, которая делает слышимым дотоле неслышный голос (Тиферет), который происходит из еще более неслышного (Бина), и в конечном итоге источником шепота оказывается бесконечное молчание. Такова эзотерическая суть ответов, который Иосиф дал фараону виночерпию и пекарю, *le'lohim pitronim*: изъяснение снов становится возможным благодаря уровню, которому присвоено имя *elohim*, то есть, из десятой эманации. Отношение Иосифа к этому измерению связано с символической ассоциацией с Йесодом, фаллической силой, которая изливает свет на Шехину. В контексте «Зогара» это место, о котором сказано как об «основании всего» (*qiyuuta de-khola*), является источником, из которого происходит интерпретация снов. В Иосифе воплощается эта потенция, и следовательно, он может приступать к истолкованию снов лишь будучи уверенным, что передает ищущим его услуг мудрость, которую способность истолкования выводит из Шехины. На самом деле, его герменевтическая активность прежде всего поддерживается Йесодом.

«И вспомнил Иосиф сны, которые снились ему о них» (Быт. 42:9). Вспомнил их потому что нет забвения пред Святым, благословен Он. Человеку следует запоминать хороший сон, чтобы он не забылся, и тогда он сбудется, ибо если забудется сон у человека, забудется он и над ним. Иди и

смотри: сон без толкования подобен непрочитанному письму... потому что он забывается, и как будто никто о нем не знает. Поэтому тот, кто забывает сон и не знает о нем, не дает ему сбыться. Поэтому Иосиф запомнил свой сон, чтобы он сбылся, и чтобы этот сон никогда не стёрся для него, он постоянно ждал его. (Зогар I:199b)

Таким образом, аспект сновидения создается силой Йесода, а не силой Малхут, ибо именно Йесод дарует и изливает, и он делает сон интересным, ибо в противном случае он не западал бы в сознание человека. Когда кто-то хочет понять сон и найти в нем истину, он нуждается в толкователе снов, подобном Иосифу-праведнику, который воплощает Йесод, ибо он силой своей святости возносит святую искру в сновидении из отходов, и тогда святая мысль очищается, и становится доступной для понимания.

На более глубоком уровне следует разъяснить, что на самом деле сон связан с сефирот Йесод и Кетер...

На самом деле тайна сна связана с молитвенным служением, ибо весь смысл молитвы – соединение сотворенного мира со светом Бесконечного, и в этом же сущность сна, ибо он очищает всё воображаемое [*dimyonot*], являющееся аспектом этого материального мира, и возносит его к аспекту истины, являющейся светом Всевышнего, благословенно имя Его. (Ицхак Меир Моргенштерн. Йам га-Хохма, канун новолетия 5766)

2. Сон как вымышленная правда

Иосиф стал классическим толкователем снов потому, что он представляет собою земное воплощение фаллической энергии. В характерной для каббалистического символизма инверсии герменевтическая власть Иосифа увеличивается не через удовлетворение сексуальной страсти, а через ее отвержение, примером которого оказывается то, что Иосиф выдерживает искушение и домогательства жены Потифара. Лишь ум, держащий себя в аскетической узде, способен отделить правду сна от ложных образов, в которые она облечена. Эта идея может быть прослежена вплоть до наставлений, приписываемых Шимону бен Йохаяю и передающихся под именем р. Йоханана (Брахот 55a): «Как не бывает зерна без мякины, так не бывает сна без пустых слов [*devarim betelim*]». Эта максима приводится в Вавилонском Талмуде как экзегетическая экспликация стиха “Пророк, который видел сон, пусть и рассказывает его как сон, а пророк, которому было Мое слово, пусть возвещает Мое слово истинное. Что общего у зерна и мякины? – говорит Господь” (Иер 23:28). Эти слова поставили перед редактором сложный вопрос – что общего между зерном и мякиной, или пшеницей и соломой, в их отношении ко сну? Если мы

внимательно прочтем ответ Шимона бен Йохая, то увидим, что раввинистическое истолкование переворачивает смысл писания. Задача пророческого речения – установить ясную границу между правильным принятием божественного закона и лживым сном: первое уподоблено пшенице, второе соломе. Раввинистическое же толкование исходит из того, что стих говорит нам – всякий сон состоит из пшеницы и соломы, правды и неправды.

Адаптация этого талмудического изречения присутствует в нескольких местах «Зога».
Я переведу и проанализирую два из них.

«Если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним» (Числа 12:6). Это одна шестидесятая пророчества, как было показано, и это шестая ступень после пророчества, и это ступень Гавриила, отвечающего за сны, как было сказано. Иди и смотри: всякий достойный сон исходит из этой ступени, и не бывает снов, к которым не примешано нечто ложное, как было показано, так что сны отчасти бывают истинными, а отчасти – ложными, и не бывает сна, который не содержал бы в себе обе этих стороны. Поскольку сон содержит в себе всё, как было сказано, все сны в этом мире следуют за толкованием уст, как было показано в связи со стихом «И как он истолковал нам, так и сбылось» (Быт. 41:13). Почему это так? Потому что в сновидении есть обман и правда, а слово властвует над всем, и потому сон нуждается в хорошем истолковании. (Зогаг I:183а).

Открыл рабби Йосе и сказал: «Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов» (Екклесиаст 5:2). «Ибо, как сновидения бывают при множестве забот» – было показано, что сны обладают разными силами и бывают разных уровней, так что некоторые сны – полностью истинны, а в некоторых истина смешана с ложью. Но настоящим праведникам не открывается ложное знание, а только истина. Иди и смотри: написано про Даниила: «И тогда открыта была тайна Даниилу в ночном видении» (Даниил 2:19), а также: «Даниил видел сон и пророческие видения головы своей на ложе своем. Тогда он записал этот сон» (Дан. 7:1). Если бы эти видения содержали ложь, стали бы их записывать в Писаниях? Когда души настоящих праведников возносятся, с ними соединяются только святые слова, сообщающие им истинное знание, слова вечные, истинность которых непреходяща...Иди и смотри: когда человек спит, его душа отделяется и странствует в высшем мире, и попадает туда, куда попадает. В мире существуют сонмы обольстителей, которые нападают на душу. Если она достойна, то возносится выше и видит то, что видит. Если же нет, то соединяется с другой стороной, и ей сообщают ложное знание, или же то, что произойдет в ближайшем будущем. Когда человек просыпается, душа сообщает ему о том, что видела. Поэтому недостойному человеку показывают хороший, но ложный сон, чтобы увести его с пути истины. Поскольку он сошел со своего пути,

пути истины, его оскверняют. Ибо кто очищается, того очищают, а кто оскверняется, того оскверняют. (Зогар I:199b-200a).

В зогарических рассуждениях можно заметить две основные интерпретации раввинистической максимы о том, что не бывает сна без бессмыслицы – первая предполагает, что некоторые сны правдивы, некоторые нет, а вторая подразумевает, что нет сна, в котором к правде не была бы подмешана ложь. В процитированных выше пассажах отражается и та, и другая точка зрения, в целом преобладает скорее вторая. В первом отрывке смешение связывается с идеей, что сны следуют интерпретации уст. Если сон содержит и правду, и обман, то в зависимости от интерпретации он может оказаться и правдивым, и ложным. Во втором отрывке проводится различие между душами достойными и недостойными. Сны у достойных (персонификацией которых выступает Даниил) исключительно правдивы, а у недостойных соединяют правдивые вещи, которые сводятся к предвестьям о ближайшем будущем, и вещи лживые, принесенные демоническими силами, которые стремятся соблазнить душу своим иллюзорным блеском и сбить ее с пути правды.

Существует еще один вариант объяснения этой же раввинистической традиции – своего рода, новое ее измерение. Этот вариант мы находим в цитате из книги *Sefer ha-Niqqud*, написанной Йосефом Джикатилой, испанским каббалистом, чей круг идей весьма близок по духу зогарической компиляции, -- возможно, Джикатила был активным членом одного из кружков, ответственных за литературную редакцию какой-то части «Зогара»:

Знай, что если бы к сновидениям не примешивались остатки телесного, люди достигли бы небывалого величия, ибо слово «сновидение» [*halom*] намекает на то, что человек постигает нечто, выходящее за пределы материального, и в этом суть сновидения. Поэтому пророческое сновидение требует особого отделения и сосредоточения [*mitboded*], хоть и содержит иносказания [*meshalim*], а остальные сны были бы чем-то великим, если бы не мякина и примеси. Про это сказали учителя наши, да будет память их благословенна: «Как не бывает зерна без мякины, так не бывает сна без пустых слов». Из этого можно сделать вывод, что если бы не примесь пустых слов, даже сон простого человека содержал бы одну шестидесятую пророчества. Человек, постигающий нечто, выходящее за пределы телесного, называется «сновидец» [*holem*]... Ты увидишь, что слово «сновидец» [*holem*] намекает на то, что люди из низшего мира возносятся и постигают нечто, выходящее за пределы телесного. И если сны бывают несовершенными, то только из-за обилия примесей... Сновидение не может быть полностью истинным, как мы разъяснили выше, но оно обязательно содержит элемент истины... Из всех этих слов мы можем сделать вывод о том, что

когда простой человек постигает нечто, выходящее за пределы собственной телесности, такое постижение называется словом «сновидение» [*halom*], родственным слову *holam* (знак точки для обозначения гласной «о»), ибо точка *holam* искрится мириадами светочей, так что сновидец удостоивается откровения части света, исходящего от точки *holam*. Поэтому истинность сна зависит от меры проникновения в сновидца света от точки *holam*; если свечение мало, то лишь малая часть сна сбудется, а если велико, то сон сбудется полностью. Одним словом, сон сбывается в зависимости от силы свечения. Тот, кто знает тайны, сокрытые в точке *holam*, знает и тайну постижения снов... Теперь вдумайся и пойми, что точка *holam* превосходит все другие огласовки, ведь мы уже раскрыли тебе в соответствующих местах тайну сновидений, а именно то, что они зависят от точки *holam*, которая является тайной высшей точки, и все виды постижения, в том числе пророчество, происходят благодаря истечению света из этой точки. (*Sefer ha-Niqqud*, стр. 16).

Всякий сон есть смесь из пустых вещей и правды — даже пророческий сон, отличающийся от простых постольку, поскольку он полностью правдив, использует фигуративный язык, который в буквальном смысле лжив (исключением тут будет один Моисей) — по причине внутренних ограничений материального тела, однако знание, которое мы получаем посредством сна, преодолевает эти ограничения. В самом деле, сон — это способ достичь высочайшего уровня знания, которое на самом деле есть незнание, гнозиса, который есть агнозис, мысли, которая не может быть помыслена, но в качестве того, что не может быть помыслено орфографически представлено *холамом*, знаком гласного звука, символизирующим эманацию Кетер, поскольку он поднят над верхней частью согласной буквы.

В свете связей между сном и первой из сефирот, акт сна мистически понимается как состояние созерцания (*hitbodedut*), которое облегчает душе ментальное восхождение от материального тела к своему принятию в божественное ничто (*ayin*). Более того, Джикатила подчеркивал, что созерцательный идеал связан с раввинистическим учением о том, что нет сна без ложных вещей, в той мере, в какой источником сна оказывается Кетер, бесконечная воля, «мир милосердия» (*olam ha-rahamim*), где противоположности сливаются, и поэтому нет правды, которая не была бы неправдивой, и нет неправды, которая не была бы правдивой. В состоянии соединения (*devequt*) с Ничто спящий наделен способностью оборачивать вещь на ее противоположность. Прототипом и иллюстрацией такого изменения является замена суда милостью — явно указывающее на качество божественного прощения, и то же качество человеческого покаяния. Это объясняется в

комментарии, который передается от имени Пинхаса из Кореца, близкого к кругу Баал Шем-Това:

Все сновидения [*halomot*] происходят от точки *holam* (знак точки для обозначения гласной «о»), и из этой точки они [праведники] могут сделать всё, что захотят, и может произойти превращение [*lehithappekh*], что подобно первоматерии [*ha-hiyuli*], которая может превращаться во что им угодно, поэтому праведники могут превращать меру суда в меру милосердия, и в этом смысл фразы «порви наш приговор» - то есть обрати меру суда в меру милосердия, и в этом суть раскаяния [*iqqar ha-teshuvah*], ибо раскаяние обращает меру суда в меру милосердия. (*Имрей Пинхас га-Шалем*, 1:423-424).

Использование философского понятия первоматерии подразумевает, что сон происходит из пустоты, где всё возможное действительно, потому что то, что действительно, есть ничто иное как возможное. В психологическом смысле этот текст можно понять как указание на уничтожение «Я» спящего и его слияние с бесконечным, где уже нет возможности различить противоположности. Следовательно, сон есть наивысшая форма знания, каковое есть отсутствие знания, незнание, которое подрывает разницу между смыслом и бессмысленностью.

3. Сон как *unio mystica* и пролепсис избавления

Это ведет нас к третьей теме – сну как возможности мистического союза и предвосхищению избавления. За иллюстрацией для такого соединения двух идей обратимся к наставлениям Шнеура Залмана из Ляд и некоторых его преемников из династии Хабад Любавич. Эта литература сохранила для нас, вероятно, самое сложное и прихотливое переплетение таких сюжетов, как воображение, сновидение, ночная жизнь, изгнание, избавление и мистическое уничтожение. Первый пассаж взят из «Тора Ор». Это антология поучений Шнеура Залмана из Ляд на книгу Бытия и Исход, составленная его внуком Менахемом-Мендлом, более известным как Цемах Цедек. Соответствующий отрывок появляется в контексте попыток Шнеура Залмана объяснить знаменитые сны Иосифа:

«Песнь восхождения. Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне» (Псалом 126:1). Сон соединяет две противоположности в одном предмете и сочетает два противоположных начала, как будто они являются чем-то единым. Это связано с тем, что во время сна бездействует разум, устанавливающий различия [*moah ha-sekhel ha-mavhin*], и остается лишь

сила воображения [*koah ha-medammeh*]. Сила воображения может сочетать два противоположных начала... Когда же человек бодрствует, интеллект пробуждается и властвует над силой воображения, не позволяя ей соединять противоположности, поскольку силой умозрения человек видит, что это разные вещи, которые не могут сочетаться вместе. Подобным образом во время Изгнания божественная искра в душе человека как будто бы спит и пребывает в бессознательном состоянии [*bi-vhinat sheinah we-histallequt ha-mohin*], и потому может сочетать две противоположности. (*Tora Op* 28c-d).

Текст открывается стихом из Псалма 126, который выстраивает связь между актом сновидения и надеждой на избавление и восстановление Сиона. Однако, нам немедленно сообщается, что сон также связан с изгнанием, поскольку оно метафорически изображается в виде сна, а сновидение возникает во время сна, когда отступает интеллектуальная способность (признаком которой является легкость в различении противоположностей), и начинает господствовать воображение (признаком которого является склонность к объединению противоположностей). Сон, следовательно, нужно понимать метафорично как дремоту изгнания, погружения души в темноту материи. Продолжая этот пассаж, Шнеур-Залман предлагает дальнейшие объяснения для противоречивых образов, объединенных пространством сна. Используя символику лурианской каббалы, он описывает природу изгнания как облечение духовной искры в одежды тела – соединение, которым душа побуждается продолжать гностическую драму освобождения через акт очищения (*berur*) света, попавшего в ловушку физического мира. Преодоление тела достигается через преобразование физического, нежели его уничтожение. Фундаментальное учение Хабада — специфическое приложение доктрины *avodah begashmiyyut*, «телесного служения», на которое обычно указывают как на характерный, восходящий к Бешту, элемент восточноевропейского пиетизма — выражено Шнеуром-Залманом в настойчивых словах о том, что даже когда человек погружен в литургические молитвы, любовь Бога неизбежно осознается через любовь, которая проявляется телом и в теле. Чтобы понять этот тезис, надо помнить, что Шнеур-Залман выделяет два вида служения. Один – это экстаз (*hitpa'alut*), называемый «великой любовью» (*ahavah rabbah*), которая столь горяча, что сердце неспособно вместить ее, а потому душа рвется вон из тела. Другой – это экстаз, который можно сдерживать внутри сердца и главная цель которого – привлечь божественное изобилие свыше в материальный мир. Молитвенное служение состоит из двух стадий – самоуничтожения (*bittul ha-yesh*), возникающего из союза души с бесконечным светом (*or ein sof*) и стяжание этого света через исполнение Торы и ритуальных заповедей для поддержания космоса. Если судить хронологически, то вторая стадия должна следовать за первой, однако с точки зрения включенности

(*hitkallelut*) всех вещей в бесконечную субстанцию (*ašmut ein sof*), эти две стадии представляют собой единый феномен. Молитвенное служение можно сравнить со сном, ибо он тоже содержит в себе парадоксальное столкновение крайних противоположностей: только то, с чего сняты покровы телесности, способно поддерживать телесное.

Процитируем полностью рассуждение Шнеура-Залмана:

Поистине аспект сновидения укоренен в высших мирах и «Основание его на горах святых» (Пс. 87:1)... Изгнание – это аспект сна и потери сознания [*histallequt ha-mohin*]... и тогда душа его черпает жизненные силы свыше, и там он пребывает в аспекте кругов, у которых нет верха и низа, а всё уравновешено [*ha-kol be-hashwva'ah ahat*], всё пребывает во всеобщности [*hitkallelut*] и единении [*hitahadut*] без какого бы то ни было разделения и разграничения, как мы знаем из высказывания учителей наших, да будет память их благословенна: «И те, и другие – слова Бога живого». Только когда жизненная сила черпается через линии, возникает разделение... в отличие от аспекта кругов, где не совсем никакого разделения, и где всё, что разграничено внизу, сочетается и соединяется, так что нет между ними никакого разделения и разграничения. Однако, для того, чтобы этот аспект проявился внизу, необходим аспект сна и потери сознания в Изгнании, как сказано: «Я облакаю небеса мраком» (Ис. 50:3). Небеса – это аспект кругов, и они облакаются аспектом мрака и тьмы, то есть аспектом сокрытия и исчезновения [*he'lem we-hester*], и тогда из высшего мира, аспекта кругов, нисходит искрящийся свет в аспекте сновидения, то есть силе воображения, сочетающей две противоположности в одном предмете, как будто они были чем-то действительно единым, ибо по истине в корне своем в высшем мире они сочленены и соединены, ибо там они пребывают в аспекте кругов, как было сказано выше, и только внизу существует разделение линий по принципу Мудрости (*Hokhma*) и Знания (*Daat*), кода одна линия так, а другая иначе, и тогда становятся видимой и явленной противоположностью, то есть то, что они противоположны друг другу, и соответственно разделены и отдалены друг от друга. Поэтому явление аспекта всеобщности становится невозможным в аспекте явления Мудрости (*Hokhma*), с которой начинается разделение линий, и этот аспект может проявиться только в аспекте сна и потери сознания в Изгнании, когда искрится и сияет высший свет, скрываясь и прячась в аспекте мрака и тьмы, то есть в аспекте облачения сокрытого, а не в аспекте явленного, ибо явленное относится к аспекту Мудрости (*Hokhma*) и Знания (*Daat*), которые связаны с линиями. (*To'ra Op* 28d).

Сон и изгнание наделяются положительным зарядом, так как только через ассоциирующееся с ними устранение сознания (*histallequt ha-mohin*), ум может подняться на уровень преодоления двойственности.

Корень сна, следовательно – в «горах божественной святости», иными словами, в аспекте света бесконечности, размещенного внутри Кетер, в “несоставной воле, которая выше интеллекта и понимания» (*raṣon pashuṭ she-lemma 'lah me-ha-sekheh we-hassagah*), в «сущностном сокрытии» (*he'lem ašmi*), которое есть «подлинное ничто» (*ayin mammash*). Эта же идея излагается и в том, что источник сна изображен как круг (*iggul*) – геометрическая фигура, символизирующая равенство (*hashwwa'ah*), целостность (*hitkallelut*) и соединение (*hitahadut*) всех вещей в недифференцированное единство. Напротив, линия (*qaw*), начинающаяся с атрибутов Хохма и Даат, маркирует разделение божественной плеромы на правую, левую и центральные колонны. В круге противоположности сливаются, и нет уже возможности отличить начало от конца, а сон, возникающий из того, что воображение способно комбинировать несхожие образы, получает высшее значение как канал, по которому становится возможно достичь света, который невозможно различить – этот божественный свет (*or ha-elyon*) столь ярок, что его называют «чернотой» (*qadrut*) и «тьмой» (*hoshekh*), в нем круговое неразличение бесконечной сущности противопоставлено линейному ее разделению на дихотомии в конstellациях сефирот во всех их изменениях. Следовательно, посредством сна можно достичь мистического состояния (дез)интеграции, в которой преодолевается всякое различие и уничтожается подобие существования, независимое от сущности – ничто, которое становится всем благодаря тому, что является ничем. Склонность спящего сознания соединять противоположности является психологической аналогией онтологической *coincidentia oppositorum*, «великой тайны», которая кратко излагается в постоянно повторяемом выражении, своего рода клише учения Хабада – «две противоположности в одном предмете» (*shenei hafakhim be-nose ehad*). Аналогично сну, молитва поднимает человека, вознося его на вершину *scala contemplativa*, то есть в место, которое не является местом, где отсутствие границ и их наличие пересекаются и сообщаются друг с другом в тождестве их (без)различия, где Ничто превращается в Нечто и наоборот. Прочитаем Шнеура-Залмана вновью:

Видящий во сне может созерцать, как две противоположности действительно соединяются в одном предмете... Так и община Израиля во время Изгнания уподоблена «видящим во сне» (Пс. 126:1), то есть созерцающим совершенно противоположные и абсолютно противоречащие друг другу вещи в непротиворечивом единстве, как, например, все силы, которые народ Израиля тратит на торговлю и мирские дела, что противоположно и полностью противоречит святому самоустранению народа Израиля во время молитвы, когда они с должным сосредоточением произносят «Слушай, Израиль... Господь Един» (Втор. 6:4) и «Нет никого, кроме Него» (Втор. 4:35), а ведь если «нет никого, кроме Него», то как можно после этого заниматься мирскими

делами, повседневными нуждами, заработком и погружаться в материальность, отбирающую у человека силу души и разума? Можно также сказать: поскольку человек занят весь день мирскими делами, то не может он молиться с должным сосредоточением и истинным намерением, и это тоже будет неправдой, ведь ему всё равно несмотря ни на что удастся достичь должного сосредоточения в молитве, и одно не противоречит другому, несмотря на то, что это действительно две противоположности. Это подобно сну, когда снится две противоположности в одном предмете, и это совсем не кажется странным во время сна... И корень сна – в аспекте высшей окружности [*ha-maqqif elyon*], которая соединяет все противоположности в нечто единое [*ha-kollel kol hafakhim be-hibbur ehad*], ибо вбирает в себя всё в равной мере без какого бы то ни было линейного разделения [*she-maqqif mi-kol zad be-hashwwa'ah ahat beli hithallequt qawin kelal*], ибо пред Ним тьма и свет равны, всё равно, уравнено малое и великое, ибо всё равно пред Ним в аспекте исчезновения... Окружность объемлет все миры в равной степени, будучи совершенно отделенной от аспекта разграничения, и потому все противоположности включаются в единое целое. (*Маамарей Адмор га-Закен 5565, 1:184-185*).

Сон укоренен в «божественной окружности» (*maqqif elyon*), в том аспекте божественного, который предшествует разделению на оппозиции, в месте уравнивания (*hashwwa'ah*), где оппозиции совпадают. Описание сна как соединения противоположностей вдохновляется рассмотренным выше зогарическим восприятием проблемы. Как мы уже видели, там сон характеризуется смешением того, что истинно, и того, что ложно. Я подозреваю, что именно этот каббалистический принцип имеет в виду Шнеур-Залман, когда акцентирует способность сна соединять не согласующиеся между собой образы, и основанием для моей догадки может служить такое изречение шестого Любавичского Ребе, Йосефа Ицхака Шнеерсона:

Спящий человек видит сны, а во сне две противоположности действительно соединяются в одном предмете, так что возможно, что основа вещи или строения, которую он видит – это истинная основа, и на ней может быть построено как нечто одно, так и нечто совершенно противоположное, ибо суть сновидения – в сочетании двух противоположных начал, истинного и ложного, так что оба они выглядят чем-то единым, и через это мы можем понять смысл молитвенного служения. (*Сефер га-Маамарим 5689, p. 244*).

На первый взгляд, концовка этого пассажа вызывает недоумение, поскольку тут предполагается, что молитва, как и сон, состоит из правды и обмана. Но как так может быть? Чтобы понять скрытую здесь тайну, надо вспомнить, что для глав Хабада наивысший род молитвы состоит в окончательном упразднении, источником которого является соединение молящегося с бесконечным светом, -- в исчезновении столь

абсолютном, что не только молящийся, но и молитва, и даже объект ее прекращают существовать благодаря тотальной (дез)интеграции всего сущего и не-сущего в пустоту, которая является сущностью, называемой *biṭṭul hameši'ut*.

Но даже такая форма религиозного служения требует словесных выражений и телодвижений, природа которых подразумевает воплощение. Как правдивые элементы сна запутаны в паутине очевидной лжи, точно так же и в случае молитвы в состоянии изгнания, человек продолжает ощущать свою автономию, обладая телом в конечной вселенной, которая, как думают, не зависит от бесконечного Божества. В этом, согласно Йосефу Ицхаку Шнеерсону, и состоит отличие – сон есть обман, который притворяется правдой (*sheqer nidmeh la-emet*) в противоположность обману, который прикрывает правду (*sheqer mekhasseh al haemet*) – которую необходимо увидеть сквозь покров сокрытия (*he'lem*), являющийся миром (*ha-olam*) – эта игра слов неоднократно воспроизводится в учении Хабада. Поступая так, можно уничтожить скрывающий покров, совершая очищение света во всех мирских делах. Вновь процитируем Йосефа Ицхака Шнеерсона: «Вот [ради чего сказано] “Нам казалось, мы видим сон”, чтобы соединить в одном две противоположные вещи, ибо если его молитва была подлинной, то весь день [он будет выполнять] “Каким бы путем ни шел – познавай Господа” (Притч 3:6), ибо след молитвы пребудет с ним, и он сохранит в сердце своем память о Боге во всех делах и занятиях». Смысл предлагаемой Хабадом перспективы был раскрыт его сыном Дов-Бером:

Суть сновидений, корень которых необычайно высок, весьма возвышенна в аспекте кругов и окружностей аспекта хаоса [*bi-vhinat iggulim u-maqqifin di-vhinat ha-tohu*]... ведь в сновидении есть две противоположности, сначала ему снится, что он чрезвычайно вознесся, и тут же – что он невероятно пал, и эти две противоположности соединяются в одно, как если бы соединились жизнь и смерть. Подобным образом обстоит дело с проявлением божественного начала в общине Израиля в Изгнании, которое названо «сном». Здесь имеется две противоположности: полное самопожертвование [*mesirat nefesh*] в произнесении «Шма» («Слушай, Израиль»), а затем полное растворение в мирских делах, но это совсем не противоречит одно другому, как во сне, ибо и то, и другое само по себе истинно, и только то, что они соединены вместе, связано с аспектом сна, соединяющим две противоположности. То, что они выступают как две противоположности, указывает на аспект хаоса, ведь мера милосердия сама по себе истинна, и мера суда сама по себе истинна, и в аспекте круга хаоса они соединяются воедино без какого бы то ни было разделения, и это подобно тому, как во время сна через ступенчатое восхождение устраняются все силы разума и качества души в аспекте Единой [*Yehidah*], так что в мыслях остается только аспект силы

воображения. Хотя аспект силы воображения весьма низок, его корень – в высшей окружности [*be-maqif ha-elyon*] Единой [*Yehidah*], к которой возносятся все умопостигаемые сущности [*sikhliyyim*] и волеизъявления [*rezonot*], ведь источник всех умопостигаемых волеизъявлений – как раз в высочайшем вознесении и слиянии в едином [*maqor kol ha-rezonot sikhliyyim beilluy muflag be-hitkallelut ke-ehad dawqa*]... Сила сновидения в воображении – в Единой [*Yehidah*], ибо там всё сливается в едином без разделении воли и разума... как круг, в котором нет никакого разделения. (Торат Хаим, Берешит 243с-d)

Во сне отступает интеллект и исключительную роль начинает играть воображение – пусть даже это и помещает сон на самый нижний уровень гносеологической иерархии, корень сна произрастает из высшего уровня, имеющего и теософский, и духовный кореллят – внешнюю окружность (*maqif*) мира хаоса, который предшествует дихотомии неразделимой сущности, и измерение человеческой души, называемое *yeḥidah*, -- как явствует из самого обозначения, оно указывает на нерасторжимое единство и единосущность с Богом. Вполне плодотворным будет уподобление молитвы сну, поскольку она также вбирает в себя парадокс, смысл которого в объединении разнородных образов. Стандартная иллюстрация этого – чтение «Шема», традиционного исповедания монотеистической веры Израиля. Эзотерическое транспонирование декларации о том, что Бог – един, состоит в мистической истине, что божественная сущность является единственной реальностью. Следовательно, провозглашая единство Бога, просвещенный адепт выступает свидетелем мистического озарения о том, что всякое существование, включая и существование самого адепта, оказывается ничем в сравнении со светом бесконечности. Упразднение оказывается столь полным, что у человека не остается даже ощущения себя самого – ни даже ощущения упразднения – окончательное упразднение, по определению, есть упразднение упразднения (*biṭṭul ha-biṭṭul*). Но все же, молитва «Шема» требует, чтобы любовь к Богу возвещалась с полным, воплощенным присутствием в мире, и тогда квинтэссенция идеала самоотречения, которое является наиболее совершенным исполнением пиетистской добродетели любви, раскрывает «образ сна, который соединяет две противоположности».

С точки зрения рассудка, сон – это наиболее невозможное явление (букв.: «невозможное из невозможных» *nimna ha-nimna'ot*), поскольку он заставляет проявиться сущность (*gilluy haasmut*), которая по сути своей находится вне проявления, а тем самым сон предвосхищает мессианское будущее, где произойдет раскрытие сути без малейшего к тому препятствия. Эта идея экзегетически укоренена в эсхатологических предсказаниях «больше не будет наставник ваш скрываться, вы узрите наставника своими глазами!» (Ис

30:20) и «воочию увидели они, как вернулся Господь на Сион» (Ис 52:8). Тема видения без покровов тоже заимствована из мистически понятого стиха «тогда будет один лишь Господь, и одно у Него будет имя» (Зах 14:9); это пророческое обетование, которое Шнеур-Залман понимал так: «он не будет более облачаться и скрываться футляром, и он будет зваться так, как написано», иными словами, имя YHWH перестанут заменять при произнесении на Адонай, но станут произносить в соответствии с написанием. И именно с этого начинается Шнеур-Залман свое поучение: «Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне» (Пс 126:1), иными словами «этот уровень и аспект сна будут явлены настолько, что всякий сможет понять, узнать и постичь жизненную силу [*hiyyut*], которая нисходит на них во время изгнания, которая есть аспект сна. Потому сказано: «мы были как бы видящие во сне».

Сон – это пролепсис избавления, возможность видеть сущность безо всякого покрова (*beli levush*), постигая реальность, как сказали бы иные, по ту сторону метафоры. Но Шнеур-Залман и те, кто шли по его стопам, восприняли и развили диалектику раскрытия и сокрытия, провозглашенную более ранними каббалистами, а потому они понимали, что не бывает раскрытия, которое не оказывалось бы одновременно преградой. Явленное есть бесконечная сущность, но бесконечная сущность может одновременно быть явленной и оставаться бесконечной сущностью лишь при условии, что она сокрыта. Отсюда следует, что видеть без покрова равносильно тому, чтобы видеть, что невозможно видеть без покрова.

Подводя итог, мы можем сказать, что онейрическое воображение воспринималось как уникальный способ постичь непознаваемую и неназываемую сущность, поскольку эта разновидность мыслительной деятельности сочетает оппозиции и тем самым указывает на тайну уравнения, индифферентное состояние, в котором оппозиции становятся идентичными в своем противопоставлении. Возвращение в бесконечность – мистический оттенок традиционной идеи покаяния, *teshuvah*— предвосхищается в устранении сознания, которое указывает на изгнание, но одновременно и на сияние божественного света, одеяние сокрытия, ибо только будучи сокрытым сокрытие может быть явлено как сокрытое. И таким образом, именно при посредстве сна сама пропасть между сном и бодрствованием, изгнанием и избавлением, преодолевается в сияющей тьме, где несовпадение света и тьмы становится недействительным.

Перевод Д. Браткина и С. Парижского